

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Вишняков О. К. Стратегія «нового сусідства» ЄС: новий алгоритм правової інтеграції / О. К. Вишняков // Актуальні проблеми політики. Вип. 22. — Одеса, 2004. — С. 210-212
2. Кафарський В. Україна — ЄС: нові перспективи націотворення / В. Кафарський // Політичний менеджмент. — 2008. — № 3(12). — С. 3-15.

Халапсис А. В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национальной металлургической академии Украины.

УДК 11

НУЖДАЕТСЯ ЛИ МЕТАФИЗИКА В «ОПРАВДАНИИ»?

У статті розглядається питання про статус метафізики як науки та її місце в системі знання. Автор стверджує, що можливість метафізики реалізується в її здатності ефективно вирішувати актуальні проблеми сучасності.

Ключові слова: метафізика, наука, дискурс.

В статье рассматривается вопрос о статусе метафизики как науки и её месте в системе знания. Автор утверждает, что возможность метафизики реализуется в её способности эффективно решать актуальные проблемы современности.

Ключевые слова: метафизика, наука, дискурс.

This article discusses the status of metaphysics as a science and its place in the system of knowledge. The author argues, that the possibility of metaphysics is realized in its ability to effectively address the pressing problems of today.

Key words: metaphysics, science, discourse.

Постановка проблемы. Как возможна метафизика? Этот вопрос со времен Канта задают себе все те, кто в той или иной степени ей сопричастен. Впрочем, один и тот же вопрос может иметь совершенно разный смысл и содержание применительно к разным познавательным ситуациям и разным эпохам мысли. Для рационалиста Канта, поставившего перед собой грандиозную задачу определения возможностей и границ чистого разума, вопрос о возможности метафизики как теоретически легитимной формы деятельности, органично вытекает из его исследовательской стратегии. Фигурально говоря, если бы в «Критике чистого разума» этот вопрос эксплицитно не стоял, то он (вопрос о возможности метафизики) «поставил бы сам себя» в «теле» кантовских рассуждений. Можно соглашаться или не соглашаться с тем ответом, который дал на свой вопрос кёнигсбергский мыслитель, но несомненно сама фундаментальность этого вопроса для «Критики чистого разума».

Однако «вырвавшись» за пределы трансцендентальной философии своего автора, кантовский вопрос стал, так сказать, «жить своей собственной жизнью», в чем-то содействуя самосознанию и самоопределению метафизики, а в чем-то, рискуем утверждать, препятствуя этому. В чем заключается это препятствие?

Цель данной статьи заключается в попытке идентификации метафизики как научной дисциплины.

Редкая работа, посвященная метафизике (по крайней мере, написанная автором, прямо определяющим свою метафизическую принадлежность), обходится без обсуждения этого вопроса. В принципе, стремление к четкому определению познавательных возможностей и статуса научной дисциплины может только приветствоваться. Но тот факт, что подобным вопросом задаются слишком часто, заставляет заподозрить, что дело здесь не только и не столько в научной этике, сколько в чем-то другом, лишь по видимости схожем со стандартными процедурами научного дискурса. Какой-то болезненной неуверенностью веет от попыток в очередной раз, проделав головокружительные трюки спекулятивный умозаключений, прийти к выводу, что метафизика все же возможна, что она все же имеет отношение к познанию, что она все же нужна и т.д. и т.п. Откуда такая неуверенность?

Как часто, к примеру, биологи задают вопрос: «Как возможна биология?». Не очень часто. Не часто подобного рода вопросы мучают и представителей других наук. И ведь дело не в том, что их

предметы, в отличие от предмета метафизики, всегда четко и однозначно определены, или что среди самих ученых не ведутся дискуссии по поводу возможностей, эпистемологических и методологических оснований их наук. Можно говорить лишь о том, что в некоторых науках такие дискуссии более острые, в других – менее, но всеобщего консенсуса нет, пожалуй, ни в одной из них. И, тем не менее, вопрос о возможности своих наук ученые почти никогда не ставят.

Почему же эта тема столь важна для метафизики? Здесь возможны два основных варианта ответа: либо предмет метафизики настолько кардинально отличается от предметов иных наук, что его обоснование представляет собой самостоятельную метафизическую же проблему, либо метафизика по своей «природе» более других дисциплин склонна к самоанализу. Рассмотрим эти варианты.

Эмерих Корет обращает внимание на то, что в отличии от эмпирических наук, «предмет» метафизики не является опытно преданным, а обнаруживается в рефлексии, т.е. лишь благодаря метафизическому же мышлению предмет метафизики становится тематически определенным [2, с. 25-26]. Однако он упускает из виду, что помимо эмпирических наук, чей предмет, с этим можно согласиться, действительно предан в опыте, существуют и науки, чей предмет также как и предмет метафизики, в опыте не предан. Например, науки исторические. Хотя история как таковая, имеет аподиктическую достоверность для мыслящего Я (Подробнее об этом см.: [3, с. 56-71]), сама по себе история как процесс не дана непосредственно, а постигается лишь в результате рефлексии (как и предмет метафизики). Еще более показательны в этом смысле науки математические, ведь если предмет изучения историка – общество – хотя бы явлено в одном из темпоральных срезов времени – настоящем, то математические объекты присутствуют в познании лишь как абстракции; в этом смысле, математика еще гораздо более абстрактная наука, нежели метафизика, поскольку она и не предполагает даже принципиальной возможности наполнения своих абстракций реальным содержанием (я имею в виду саму математику, в своем «чистом» виде; вопрос о конкретно-научном смысле математических моделей, используемых теми или иными науками, я сейчас не затрагиваю).

Метафизика представляет собой рефлексивную сферу мысли, поэтому ей как бы по статусу положено заниматься осмыслением своих собственных предпосылок. Это кажется вполне естественным. Но как обосновывается предмет метафизики? Здесь царит полнейший произвол, из чего можно было бы сделать вывод, что автор обоснования озабочен не столько самой метафизикой, сколько задачами собственного исследования. Вот, например, для обоснования предмета метафизики обращаются к необходимости осмысления бытия. Бытие же, в свою очередь, выводится из человеческого вопрошания бытия, под это подводятся многочисленные словесные конструкции, подкрепленные более или менее вразумительными рассуждениями, но за всем этим стоит одна идея: бытие доказывается тем фактом, что человек о нем думает.

«Бытие есть, потому, что я думаю о бытии» – и эта мысль провозглашается чуть ли не основой метафизики и ее оправданием! Что же может доказать сама чистая мысль? Бытие? Но когда Декарт формулирует свое доказательство бытия Бога в ходе развертывания своей процедуры *cogito*, разве он не формулирует проблему гораздо более четко, ясно и, главное, гораздо убедительней? Ведь то, что человек открыт бытию далеко не ясно с очевидностью, причем не только нельзя доказать, что каждый человек открыт бытию, но и то, что два человека, говорящие о бытии, имеют в виду одно и то же. Когда же Декарт говорит об идее Бога, его мысль четка и конкретна, однако ведь мало кто серьезно считает, что французскому мыслителю действительно удалось из идеи Бога доказать факт реального бытия Бога. Получается парадокс: те, кто указывает на недостаточность оснований в рассуждениях Декарта, идут по его же пути и пытаются доказать бытие как нечто реальное (даже как высшую реальность), опираясь лишь на проблематичную «открытость» человека этому самому бытию, т.е., в конечном итоге, на мысль о бытии. Немудрено, что метафизика, подкрепленная таким шатким основанием, оказывается в высшей степени проблематичной! В итоге, вместо обоснования метафизики теоретик ее лишней раз дискредитирует.

Такие разговоры об обосновании метафизики не столь безобидны, как могут показаться на первый взгляд, ибо теоретик, поднимая эту тему, направляет метафизику по заведомо ложному пути, неудачи на котором придаст метафизике имидж занятия весьма сомнительной продуктивности (можно ли серьезно относиться к охоте за собственной тенью?). Ведь, в сущности, задавая вопрос о возможности метафизики, теоретик берется за задачу обоснования метафизикой самой себя. Многие теоретики начинают с обоснования метафизики, но на этом же и заканчивают. Отсюда идут и сентенции в стиле того, что философия занимается философствованием, самообоснованием и т.д. и т.п., сентенции, которые вряд ли создадут о философии хорошее мнение среди непосвященных, да и самих представителей цеха изрядно дезориентирует. Обоснование ради обоснования, метафизика

ради метафизики, предмет философии – она сама... И эти тезы считаются вершиной философской рефлексии! Простая мысль, что целью любого познания является достижение истины (применительно к данной познавательной ситуации и конкретным задачам исследования), кажется слишком тривиальной, чтобы её могли озвучивать нынешние жрецы от философии. В итоге, такие псевдообоснования демонстрируют лишь нищету философии, вернее, нищету современной философии, которая терпит подобного рода «защитников» и нищету этих последних, которые готовы ради пафосных фраз и шокирующих заворотов мысли предать любовь к мудрости, любовь к истине...

Задача обоснования метафизики могла ставиться и рассматриваться с полной серьёзностью в классическую эпоху (например, во времена Канта), но они потеряли свою эпистемологическую привлекательность уже в веке двадцатом. Сначала Бертран Рассел со своим парадоксом, ставящим под удар основания самой строгой из всех наук – математики, затем Курт Гёдель со своей теоремой о неполноте, потом Нильс Бор с принципом дополнительности... Нравится это кому-то или нет, но наука есть занятие, которое могут обосновать лишь полученные в ходе процесса занятий ею результаты, а чистые и абстрактные рассуждения никакой практической пользы не имеют.

Это, так сказать, стандартная ситуация; если же брать «особые случаи» – здесь и подавно. О том, что квантовую механику не понимает никто, говорил и Ричард Фейнман, это признают и другие специалисты. И что же? Не только ее основания, она и сама непонятна как теоретическая конструкция, и, тем не менее, в практическом смысле она дает замечательные результаты, причем настолько, что Стивен Вайнберг, например, отмечает, что если в ближайшем времени будет создана Единая теория, то квантовая механика в неё войдет практически в неизменном состоянии [1].

Итак, отсутствие теоретического самообоснования никак не может считаться пороком той или иной науки, это обычная ситуация (в этом убеждает нас Гёдель), а в некоторых случаях (что видно на примере квантовой механики и вообще квантовой теории), не только отсутствие эпистемологических обоснований, но даже отсутствие понимания смысла самой теории не препятствует практическому и эффективному её использованию. Конечно, квантовая теория – это крайний случай, и все же сам факт показателен.

Пожалуй, живи сейчас Кант, так и наук бы не осталось, вернее, каждой из них было бы отказано в «научности». Хотя корни позитивизма уходят в английский эмпиризм (а в каком-то смысле ещё дальше – в средневековый радикальный номинализм), подлинным родоначальником позитивизма выступил не Конт, а Кант, который впервые столь методически последовательно и философски виртуозно сопоставил «науку» и «сферу возможного опыта». Из кантовского учения же и вытекало, что поскольку и метафизика и теология исследуют вопросы, выходящие за пределы опыта (в кантовском понимании слова «опыт», ибо в ином смысле можно говорить и о теологическом, и о метафизическом опыте [2, с. 29-30]), то обе они оказываются «вне» науки, что Кант уже фиксирует в своей известной стадийной схеме. Гегель прекрасно осознавал опасность, которую кантовская модель научного познания представляет для философии в целом, поэтому в своих работах (начиная с «Феноменологии»), словом «наука» он именуется как раз философию. Соответственно, если Кант искал идеал научного познания в современном ему естествознании, а философские дисциплины (та же метафизика) проходят у него процедуру «проверки на научность», процедуру, от которой, по не вполне понятным причинам «освобождены» естественные науки, то для Гегеля наоборот, философия (правда, лишь та, которая представляет собой систему) оказывается наукой, так сказать, *par excellence*, а частные науки, в том числе, и естественные, оказываются науками лишь постольку, поскольку подчиняют себя задачам этой Науки. Впрочем, после смерти Гегеля возобладал кантовский подход к этому вопросу (как в версии позитивизма, так и в неокантианстве).

Необходимо, во-первых, признать бесперспективность попыток обоснования метафизикой (как и философией в целом) самой себя, своего предмета и т.д. Лучшее обоснование – это способность эффективно решать поставленные проблемы. Кем поставленные? В широком смысле, проблемы ставятся обществом, культурно-исторической ситуацией, сквозь призму которой та или иная тема (проблема) проблема оказывается актуальной или нет. Поэтому не может быть в прямом смысле «вечных тем», равно как и «окончательных ответов», и даже уважение к классикам прошлого не может служить поводом и оправданием некритичного восприятия их идей. К тому же следует иметь в виду, что ответы философов прошлого были даны в познавательной ситуации, отличной от той, которая имеет место «сейчас», аналогично тому, что ситуация «сейчас» будет отличаться от той, которая будет «завтра». Но это означает не то, что все ответы ошибочны и условны, а то, что в процессе роста знания изменяется смысл как ответов, так и самих вопросов и именно это имел в виду Гегель, иронизируя над намерением рассматривать историю философии лишь как «галерею мнений».

Во-вторых, необходимо отказаться от намерения «раз и навсегда» определить границы как метафизики, так и человеческого разума в целом. Я не утверждаю, что возможности разума безграничны, однако эти возможности лишь отчасти онтологичны, а в остальном культурно-историчны; из этого, в частности, следует для метафизики важнейший вывод: подобно тому, как современные ученые легко решают задачи, которые были не под силу их великим предшественникам, современная метафизика может браться за решение проблем, которые не смогли решить великие мыслители прошлого.

Такой вывод может показаться чрезмерно самонадеянным, однако он полностью соответствует духу метафизики как науки. Смысл же науки заключается не в том, чтобы давать окончательные ответы, а чтобы стимулировать и направлять рост знания. Та метафизическая концепция эффективна, которая в состоянии предлагать оригинальные ответы на фундаментальные вопросы и при этом создавать работоспособные модели исследуемой реальности. Метафизика не может быть не только галереей мнений, но и собранием древностей. Её жизнеспособность напрямую зависит от того, насколько она адекватна запросам современности. Иными словами, обоснование метафизики – это не то, что может «существовать само по себе», вне зависимости от конкретных форм и предметности метафизического дискурса. Обоснование метафизики может быть дано лишь «изнутри» самого дискурса, в ходе его развертывания. Разговоры о том, что такое метафизика и зачем она нужна, имеют смысл лишь как подготовительные процедуры, которые вводят неосведомлённого в курс дела, помогают ему освоиться в нём, либо же для демонстрации некоего кредо (скажем, один метафизик демонстрирует коллегам таковыми рассуждениями свои исходные установки, которые важны для понимания сути его собственного подхода).

Казалось бы, это и так должно быть очевидно, но вновь и вновь поднимаются вопросы о «метафизике вообще» так, как будто бы она пребывает в каком-то волшебном царстве оторванных от жизни абстракций; соответственно, «законы» этого «царства» пишутся на манер законов утопий: они прекрасны, совершенны, и единственная загвоздка состоит в том, что «существуют» они только в фантазии своих авторов. Не следует игнорировать и недооценивать метафизику (она с успехом пережила не одно поколение своих «могильщиков»), однако и идеализировать её также не стоит. Она такая какая есть – со своими творческими озарениями и со своей косностью, со своими эвристичными прорывами и со своим топтанием на месте... Те, кто ещё вчера делал из метафизики пугало, уже сегодня пишут с неё икону. И то, и другое одинаково чуждо метафизике. Великие мыслители прошлого хотели видеть в метафизике абсолютную науку; можно восхищаться глубиной их замысла, но следует признать эту идею ошибочной, ибо абсолютной науки быть не может. В этом следует видеть не недостаток, а повод для оптимизма, ведь развиваться может лишь то, что несовершенно.

Вывод. Как и всякая наука, метафизика развивается, что с неизбежностью приводит к необходимости уточнения и концептуализации своего предмета применительно к изменяющейся познавательной ситуации. Именно от конкретной познавательной ситуации зависит постановка метафизических вопросов, их наполнение, а также тот смысл, который вкладывается в, казалось бы, одни и те же вопросы представителями разных «эпох мысли» и разных метафизических традиций. Поэтому я не вижу необходимости сегодня ставить вопрос: «Как возможна метафизика вообще?». Возможность метафизики реализуется не в пустых вопрошаниях, а в её способности эффективно решать актуальные проблемы современности. Таким образом, в ходе своего становления метафизика становится своим оправданием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / С. Вайнберг ; Пер. с англ. А.В. Беркова. — Изд. 2-е. — М. : ЛКИ, 2008. — 256 с.
2. Корет Э. Основы метафизики / Э. Корет ; Пер. с нем. В. Терлецкого. — К. : Тандем , 1998. — 248 с.
3. Халапсис А.В. Постнеклассическая метафизика истории / А.В. Халапсис. — Днепропетровск : Инновация , 2008. — 278 с.